

© 2004 г.

ПАМЯТИ МОММЗЕНА *¹

1 ноября н.ст. в Шарлоттенбурге близ Берлина скончался на исходе 86 года жизни всесветно знаменитый Моммзен. Преклонный возраст почившего устраняет от этой кончины скорбь, сетования и жалобы. В спокойном сознании неизбежности смерти можем мы повторить слова древнего поэта

... omnes una manet pox
Et calcanda semel via leti**

и вспомнить слова родного поэта, в которых вылилось его чувство при вести о смерти другого великого человека, соотечественника почившего, достигшего также преклонного возраста, поэта Гете:

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое...
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном все земное.
Над дивной могилкой не плачь, не жалей,
Что гения череп наследье червей...

Но преклоняясь пред неизбежностью этой утраты, трудно свыкнуться с мыслью, что нет более в живых этого великого и властного царя науки...

Редкая слава и мало кому достававшаяся знаменитость выпали на долю этого человека при его жизни, и он стяжал их своими исключительными дарованиями и упорным, непрерывным, поразительным по своей напряженности трудом. 60 лет тому назад, в 1843 г., выступил он на учено-литературное поприще, и с тех пор до самых последних дней его жизни выходили из-под его пера все новые и новые ученые труды, общее число которых перешло за тысячу. И во всех их, больших и малых по объему, давних и самых новейших по времени издания, представлял все тот же Моммзен в царственном ореоле абсолютного знания, дивного владения материалом, гениальной памяти, поразительного дара комбинации, орлиной остроты и свежести мысли, ясности и силы слова.

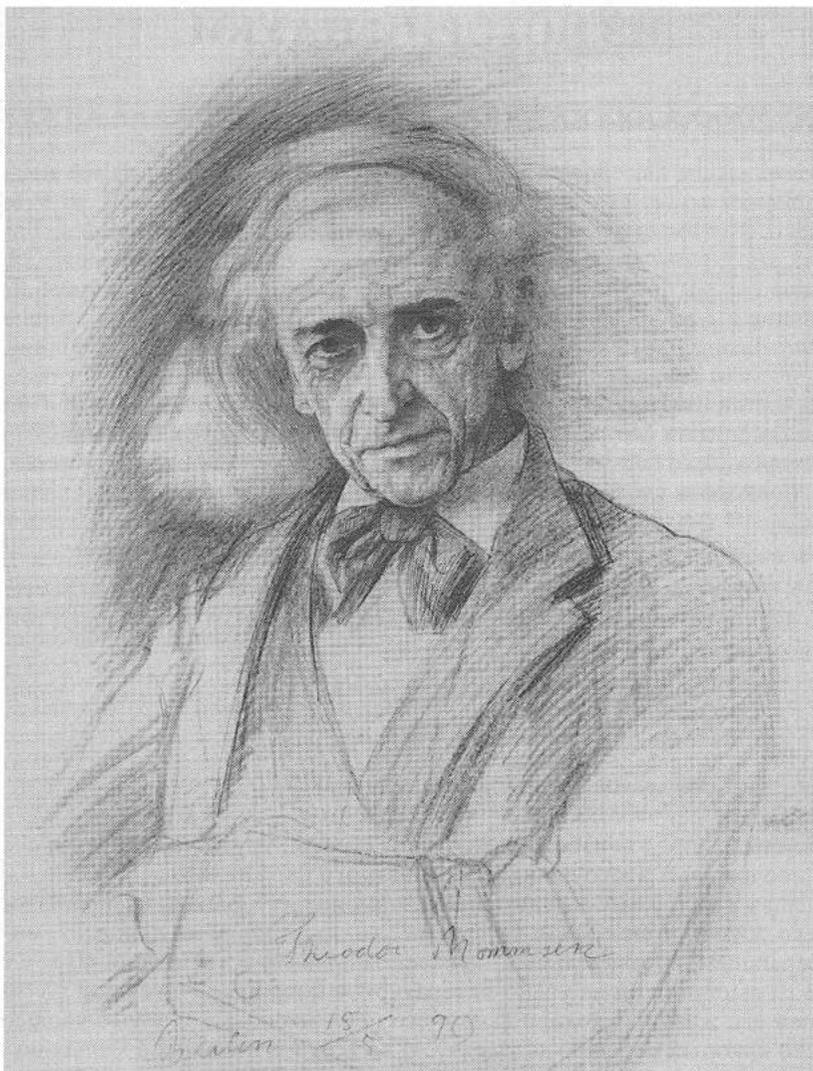
Памятник, который он создал себе своей ученой деятельностью, переживет века, и на все времена останется жить в скрижалях европейской науки его имя. Нерасторжимыми узами связал Моммзен свое имя с Римом, и та вечность Рима, в которую верили римляне, когда влагали эту веру в легенды, когда говорили о ней устами своих поэтов и гордыми словами историков даже в ту пору, когда настоящее было омрачено готской грозой, а в грядущем уже виднелись тучи гуннского нашествия, та вечность, не посрамившая веры древних, будет уделом и для имени Моммзена...

Поразительная по своим размерам ученая продуктивность Моммзена, невероятное количество оставленного им ученого наследия лишают меня всякой возможнос-

* ЖМНП. 1904. Январь. С. 39–61 (отдельное издание: Киев, 1904).

¹ Речь, произнесенная в собрании Исторического Общества Нестора Летописца в Киеве 16 ноября 1903 года.

** *Horat. Carm. I. 28. 15–16:* «...но всех ожидает / Черная ночь и дорога к могиле» (пер. Н. Гинцбурга).

Теодор Моммзен (1817–1903). Рисунок сэра Уильяма Блейка Ричмонда. 1890 г.

ти пытаться представить здесь полный отчет о том, что сделал Моммзен, а тем более дать оценку его великого ученого подвига такой редкой продолжительности. Но я бы считал исполненным свой долг в отношении памяти нашего общего учителя, если бы мне удалось в общих чертах наметить главные течения его ученого творчества и назвать цельные по преимуществу труды в избранной им области знания, которыми он вновь вспахал обширную ниву, где трудилось до него столько великих и малых и будет трудиться после него, пока жив будет научный интерес к прошлому культурного человечества.

Сын пастора, родом из Голштинии, Моммзен проходил свое университетское образование в Киле по юридическому факультету, где и получил степень доктора прав, которая позволила ему впоследствии занять кафедру римского права. Первая ученая работа Моммзена вышла в Киле в 1843 г. Она озаглавлена: *De collegiis et sodaliciis Romanorum*. Общий намек на ее содержание могут дать следующие обозначения глав, на которые разделено исследование: 1) *De sodalitatibus sacris*, 2) *De collegiis opificum*, 3) *De*

collegiis sodalicis, 4) De legibus contra collegia latas, 5) De collegiis licitis sub imperatoribus, 6) De iure collegiorum.

С первой страницы и до конца исследование ведется непосредственно по материалу источников, в число которых включены и надписи. Один крупный эпиграфический текст, давший главный материал для пятой главы исследования, *lex collegii Dianae* – памятник, найденный в 1816 г. и принадлежащий времени императора Адриана, – приложен к книге в копии с критическими замечаниями. В этой работе уже виден будущий Моммзен.

Не нормы и формулы юридической мудрости римлян интересуют здесь молодого романиста, каким он был тогда по законченному университетскому образованию. Он владеет этим материалом и властно пользуется им в пределах поставленного себе вопроса; но внимание его сосредоточено на истории института от самых ранних времен до той поры, когда есть уже непосредственные свидетели, говорящие нам с камня о том, как нормировалась жизнь обществ в пределах закона того времени и условий тогдашнего быта. В своем исследовании он считается не с теориями и построениями, выставленными в разработке истории права современными учеными; он называет их имена лишь изредка в примечаниях, но считается исключительно с источниками и в пределах их свидетельств воссоздает историю данного института. Таким остался Моммзен на всю жизнь и, выпуская в свет на склоне своих дней свой последний крупный труд, *Das römische Strafrecht*, заявлял в предисловии: «*Sodann habe ich mit den Quellen versucht einigermaßen mich abzufinden*».

Указанием на будущего Моммзена было в этой его первой ученой работе привлечение в сферу источников живого материала эпиграфических свидетельств; он придавал ему особое значение и в заключение своего послесловия писал так: «Короче и в то же время полнее можно будет изъяснить форму коллегий, если вопрос этот будет трактоваться в корпусе римских надписей, как делает то Бёк в собрании греческих эпиграфических текстов. Но сколько еще времени придется нам с вождлением ожидать этого? Смерть похитила Келлермана. О, если бы его место заступил почтенный муж, Ян, профессор Грейфсвальдский, под ауспигиями которого писалась моя книга, пока он был еще наш» (т.е. состоял профессором в Киле).

Из-за этого молодого романиста, который хочет поскорее видеть собранным в одном корпусе весь эпиграфический материал, вскоре выступил с полной определенностью филолог и историк, когда в 1846 г. появились в свет его труды: *Oskische Studien* и *Die römischen Tribus*, а в 1850 г. капитальное исследование: *Die unteritalischen Dialecte*. Что же до того ученого предприятия, в руководители которого Моммзен прочил Яна, то судьба решила иначе. 13 лет спустя он сам стал на пустовавшее со смерти Келлермана место, привел в исполнение эту колоссальную задачу и этим положил самый незыблемый камень своего научного памятника. Но прошли долгие годы, прежде чем он мог выпустить в свет первый том корпуса латинских надписей. Это случилось только в 1863 г., и хотя с тех пор вышло около 30 огромных фолиантов этого издания, но и в час своей кончины Моммзен мог видеть это предприятие, хотя и прочно поставленным, но все еще не законченным...

Своим великим делом Моммзен подвел итоги многовековых усилий ученой мысли. Интерес к латинским эпиграфическим текстам имеет очень давнюю дату, к давним временам восходят и попытки собирать их. В библиотеке Эйнзидельского монастыря хранится рукопись начала IX или конца VIII в., в которую благочестивый паломник, неизвестный нам по имени, занес несколько десятков эпиграфических текстов, списанных им не всегда правильно – с памятников Рима, а отчасти некоторых городов Италии, через которые лежал его путь. Были и отчасти сохранились и другие такие же сборники. В XIV в. надписями интересовался знаменитый Кола ди Риензи, который на основании эпиграфического текста объяснял римскому народу его права, а также и свои – самозванного, коронованного семью венцами, римского трибуна. С начала XV в. интерес этот получил ученый характер, составлялись сборники, из кото-

рых иные попадали в печать, а другие и доселе хранятся в рукописях в разных библиотеках Италии.

В 1603 г., в завершение многих работ, появился даже корпус латинских надписей, изданный Грутером, – *sub auspiciis Scaligeri et Valesii*. Целый ряд ученых трудился над сборником эпиграфических текстов в течение XVII, XVIII и начала XIX веков, и много сборников появилось за это время общих, областных или специальных по группам памятников. В этой связи заслуживает особого упоминания двухтомный сборник, труд Орелли, изданный в 1828 г., с систематическим подбором надписей – *ad illustrandam Romanae antiquitatis disciplinam*². Основание в Риме в 30-х годах международного ученого учреждения, *Istituto di corrispondenza archeologica*, оживило и усилило научный интерес к надписям. Но разбросанность этого материала, а вследствие этого и малая доступность, ненадежность старых изданий в смысле точности списков с подлинника, включение в сборники текстов подложных, все это вместе имело своим последствием, что эта группа живых и непосредственных источников знания о древнем мире стояла особняком, интерес к надписям оставался своего рода любительством и привлечение к исследованию эпиграфических текстов имело характер случайности.

Осуществление Бёком издания свода греческих надписей в строго систематическом распорядке с применением филологической критики к текстам, труд, который начал выходить выпусками в 1825 г. и был закончен в 1848 (третий том вышел уже по смерти Бёка в 1853 г., а четвертый – в 1856) – поставил на очередь вопрос о такой же систематизации эпиграфического наследия, оставленного античным миром на латинском языке. Берлинская академия наук признала своей эту задачу, руководство в ее осуществлении возложено было на Келлермана, а за смертью его дело приостановилось, о чем и скорбел Моммзен в заключительных словах послесловия своей первой ученой работы. Трехлетняя ученая командировка, с 1844 по 1847 г., которой Моммзен воспользовался для пребывания преимущественно в Италии, сблизила его с великим итальянским ученым, Боргезе, которого впоследствии Моммзен охотно называл своим учителем. За это время Моммзен обдумал и выработал план издания корпуса латинских надписей, который и представил в 1847 г. Берлинской академии наук³, а вместе с тем подготовил также свой первый огромный труд, которым начал осуществление своего плана: в 1851 г. вышли в свет два огромных тома *in folio* под заглавием *Inscriptiones Regni Neapolitani*. Здесь применена та система, какую он предлагал для издания корпуса. В основу положен территориальный принцип: надписи распределены по территориям, а в территориях по отдельным городам и уже в этих группах – в систематическом порядке по содержанию и в хронологической последовательности, поскольку она может быть установлена или угадана. По возможности все тексты проверены по подлинникам; к сохранившимся в подлиннике надписям присоединены и те, какие оказались в сборниках рукописных и печатных прежнего времени, а также в разных изданиях. Применение ученой критики к этому материалу привело к выделению значительного количества подложных надписей, которые и собраны в начале тома с особой нумерацией. Всякий текст, как бы он ничтожен ни был по своему содержанию, снабжен точными указаниями на его местонахождение, историю (если он издавался), внешний вид и сопровождается дополнениями, если они возможны, которые в отличие от лапидарного шрифта, в каком дается сохранившийся подлинный текст, печатаются курсивом, и наконец – критическими и подчас экзегетическими замечаниями. В заключение всего труда приложен целый ряд указателей, без которых этот материал остался бы мало доступным в виду своей дробности и чрезвычайного разнообразия. Указатели разработаны по особой системе, которая облегчает пользование этим материалом для различных целей: истории, хронологии, географии, грамматики.

² В 1856 г. вышел дополнительный третий том к сборнику Орелли, принадлежащий Генцену.

³ *Über Plan und Ausführung eines Corpus inscriptionum latinarum, gedruckt als Handschrift für die Herren Mitglieder der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1847.*

Другой аналогичный сборник издал Моммзен в 1854 г. под заглавием: *Inscriptiones Confoederationis Helvetiae latinae*. Выбор территории обусловлен тем обстоятельством, что Моммзену пришлось пробыть два года в Швейцарии, с 1852 по 1854 г., в звании профессора римского права в Цюрихском университете. Из Цюриха Моммзен перешел в том же звании в Бреславль и уже оттуда был приглашен в 1856 г. в Берлин, где он уже переменял факультет и занял кафедру древней истории. Вместе с этим переходом на Моммзена возложено было Берлинской академией наук осуществление его давней мечты: издания корпуса латинских надписей. Быстро началась организация подготовительных работ. По состоянию и количеству материала решено было выделить в первый том будущего издания древнейшие надписи до эпохи, какой является смерть Цезаря, а весь остальной материал расположить по территориальной системе отдельных стран. Применительно к количеству текстов, о которых можно было приблизительно составить представление, на весь восток римской державы, начиная от древней Паннонии и Иллирика, отведен один том (III), по одному тому отведено на Африку, Испанию, Британию, а Италия и Gallia поделены каждая на несколько томов, причем на город Рим отдельно положен свой том (VI). Сначала издание было рассчитано на 12 томов; при исполнении пришлось увеличить это число до 15, а многие тома, в свою очередь, разбились на целый ряд фолиантов. Хозяином дела был Моммзен: он взял на себя общее руководство и значительную часть работы; он приискивал сотрудников, увеличивал их число, брал на себя окончание работы умиравших до конца дела сотрудников и непрерывно следил за всем. Издание корпуса было его *Lebensaufgabe*, как говорят немцы, и он верно служил ей до своего последнего издыхания.

В 1863 г. вышел в свет первый том корпуса под редакцией и в обработке Моммзена (сводная таблица консульских фастов принадлежит Генцену). Почти одновременно с этим изданы были Ричлем в точных литографских снимках древнейшие более цельные памятники, вошедшие в этот том⁴. Затем последовал том II, заключавший надписи Испании, изданный проф. Гюбнером, и IV – надписи Помпей, Геркулана и Стабии, изданный Цангемейстером. В 70-х годах дело издания пошло быстрее: среди других вышли тома III (1873) – надписи восточной половины империи и V (1876) – северной Италии, каждый в двух частях, издание которых взял на себя сам Моммзен. Являясь душою этого научного предприятия, Моммзен просматривал корректуры всех листов, всех томов этого издания и во всех томах во множестве рассеяны конъектуры, поправки, заметки, дополнения, принадлежащие ему, прибавленные к остальному тексту в кривых скобках и отмеченные буквой *M*. Таким образом, корпус во всем его объеме является его изданием, не в ущерб трудам тех ученых, которым поручено было издание отдельных томов.

Если бы издание преследовало только одну цель: установление и группировку текстов, то и тогда колоссальный труд непосредственного руководства подобным изданием был бы достаточен, чтобы увековечить имя человека, которому он оказался под силу. Установление текстов и самая группировка их предполагают уже огромную предварительную работу и требуют универсального знания. Истолкование текстов и комментарий к ним принципиально устранены из корпуса. Но для первого тома Моммзен сделал исключение. В этот том вошло не мало документов (*Urkunden*): тексты законов, календари, фасты и др. Все эти документы явились в сопровождении обширных комментариев, в которых истолкованы и всесторонне освещены эти тексты.

Когда дело издания корпуса было уже поставлено твердо и прочно, Моммзен основал, в сотрудничестве с Генценом, Де Росси и Вильманнсом, особый орган под именем *Ephemeris Epigraphica*. Издание это должно было служить живым предварительным пополнением корпуса, как бы ремонтом выстроенного здания. Таким сравнением объясняла редакция основание этого журнала. Предположено было четыре выпуска в год, которые должны были составить том. Вскоре, впрочем, издание это

⁴ *Priscae latinitatis monumenta epigraphica ad archetyporum fidem exemplis lytographis repraesentata*. 1862.

потеряло характер периодического, и выпуски выходили по мере накопления материала. В текущем 1903 г. вышел первый выпуск IX тома.

В *Ephemeris Epigraphica* появлялись, во-первых, новые надписи по территориям в группах, как предварительное издание для подготовки «дополнений» (*Supplementa*) к отдельным томам корпуса. Эти последние предположено было выпускать в свет уже после того, как накоплялось достаточное количество материала, чтобы составить более или менее значительный выпуск. К III тому появилось уже два тома дополнений: первый в трех выпусках, а второй, вышедший в 1902 г., за один раз; во-вторых, мелкие дополнения и добавки к разным текстам в отдельности; в-третьих, крупные эпиграфические тексты с комментарием, и, в-четвертых, исследования, произведенные на основании эпиграфического материала. Если статьи первой и второй категории принадлежали разным сотрудникам Моммзена, то автором статей двух последних категорий был почти исключительно он сам. Из третьей категории назову его издание текстов с обширными комментариями: *Lex coloniae Iuliae Genetivae* (II, 105–151; 221–232; III, 91–112) и *Commentarii ludorum saecularium quintorum et septimorum* (VIII, 225–309). Что касается до специальных исследований по разным частным вопросам, то Моммзен объединил их под общим заглавием: *Observationes epigraphicae*, число которых к концу VII тома (1888) дошло до 69. Одни из них заключали в себе толкование какого-нибудь эпиграфического текста и освещение его материалом исторических справок, другие были целыми исследованиями по разным частным вопросам на основании всего эпиграфического материала, появившегося уже в корпусе или еще имеющего появиться в подготовлявшихся к изданию томах. В одних он устанавливал темные исторические факты, – укажу для примера этюд: *Reges Thraciae inde a dictatore Caesare* (п. 17. II, 250–262), в других уяснял историю учреждений, каковы, например, этюды: *Nomina et gradus centurionum* (п. 26. IV, 226–240), *Protectores Augusti* (п. 35. V, 121–141), *Evocati Augusti* (п. 36. 142–184), *Militum provincialium patriae* (п. 38. V, 159–249). Эти и подобные работы Моммзена, разъясняя по живым и непрерываемым документам историю и существо того или другого института римской государственной жизни, служили затем как для него самого, так и для других исследователей, фундаментом для исторических построений.

В *Ephemeris Epigraphica* помещал Моммзен свои этюды, написанные на латинском языке. Если же он писал их по-немецки и давал более широкий характер, то помещал их обыкновенно в журнале *Hermes*. Для примера назову исследования по истории и организации римской имперской армии: *Die Conscriptioordnung der römischen Kaiserzeit* (XIX. 1884), *Das römische Militärwesen seit Diocletian* (XXIV. 1889), а также исследование об аукционных расписках, найденных в 1875 г. в одном доме в Помпеях: *Die Pompeianische Quittungstafeln des L. Caecilius Iucundus* (XII. 1877).

Этим не исчерпываются эпиграфические работы Моммзена. Как некогда, в свои молодые годы, издавал он в виде особых исследований крупные памятники, как: *Lex Salensana* и *Lex Malacitana* (*Die Stadtrechte der latinischen Gemeinden Salpensana und Malacitana*. 1855), так и позднее важные и большие по объему эпиграфические тексты выходили в специальных монографиях. Дважды был им издан знаменитый *Monumentum Ancyranum* – основной документ для уразумения реформы государственного строя, проведенной Августом, – в 1865 и 1884 гг.

Эта огромная творческая работа, сопровождавшая осуществление заветной идеи Моммзена, все более ширившаяся, по мере того, как подвигалось вперед издание, оборвалась только с кончиною этого великого человека. Не стало более страстной энергии, которую влагал в это дело его инициатор; но он так прочно поставил дело, что оно не замедлит прийти к своему вожделенному концу. И можно сказать, что мечта юных лет Моммзена – полное собрание латинских надписей – осуществилась.

Здесь не место говорить о значении того факта, что в настоящее время ученый мир находится в обладании таким свежим непосредственным и обильным источником знания об античном мире, каким является полный свод латинских надписей. Все ветви филологической науки питаются от этого источника, и не только просто обогащают-

ся данными, получают новый материал, но и обновляются в своем существе и в самых методах. Моммзену принадлежит как инициатива этого научного предприятия, так и его осуществление.

Работа Моммзена по изданию древних текстов не ограничивалась надписями. Он был деятельным участником другого грандиозного ученого предприятия Берлинской академии наук: *Monumenta Germaniae historica*. Руководство изданием первого отдела, *Auctores antiquissimi*, было предоставлено Моммзену. Он распределял работу, подбирал сотрудников и целый ряд творений взял на себя. В его обработке появились: Кассиодорий, *Variae historiae* (т. XII. 1861), Йордан, *Romana et Getica* (т. V, 1. 1882) и целый ряд томов *Chronica minora* (IX; XI; XIII). Вне этой серии стоит издание Солина, *Collectanea* (вышло два раза, 1864 и 1895 гг.), и другое, быть может, самое известное и наибольшему числу ученых и учащихся полезное и для них настольное, — *Digestы* Юстинианова Кодекса римского права. Непрерывно до самой смерти длилась издательская деятельность Моммзена. В текущем году вышел первый том творений историка церкви Евсевия, en regard с латинским переводом Руфина, текст которого появился в редакции Моммзена. Последние годы своей жизни занят он был подготовлением нового издания Феодосиева кодекса (*Codex Theodosianus*); еще несколько месяцев тому назад докладывал он в заседании Берлинской академии о приближении к концу этого ученого предприятия, которому суждено увидеть свет уже по смерти своего инициатора.

Издательская деятельность Моммзена, поразительная по своему разнообразию и необъятная по своим размерам, создает вечность его имени в науке. Она простиралась на источники, а из них будут черпать свое знание о древнем мире грядущие поколения, как черпаем теперь мы, с благодарною памятью о тех, кто их собрал, очистил, уяснил и оставил на вечное пользование. Этими трудами создал себе Моммзен вечность, но не они стяжали ему ту всеобщую известность, популярность и славу, которыми он был так богато награжден при жизни. Если имя Моммзена известно всем образованным людям во всех культурных странах, то в соединении с эпитетом — историк. Моммзен был автором «Истории Рима» и затмил этим трудом всех, как предшественников, выступавших на этом поприще, так и современников. В 1854–55 гг. он выпустил в свет свою *Römische Geschichte*, в которой представил детально разработанную картину развития и судеб римского государства от начала Рима и до решительного момента торжества Цезаря над республикой, битвы при Тапсе. Семь раз переиздавалось это сочинение в немецком оригинале (последнее, восьмое издание вышло в 1888–89 гг.), оно было переведено на итальянский, французский, английский, русский языки и стало, таким образом, мировым произведением. До третьего издания включительно Моммзен делал дополнения и изменения в своем тексте, а потом уже перепечатывал без всяких изменений, как гармонично и цельно уравновешенное художественное произведение.

Появление в свете истории Моммзена было событием в судьбах науки. Свою задачу историка Моммзен понимал как полный отчет о судьбах народа во всем объеме его творчества политического, духовного, словесного и художественного, и он сумел и смог дать полную картину. Он совместил в себе критика, стоящего на высоте ученой разработки материала, с блестящим повествователем и глубоким мыслителем. Ввиду исключительных условий судеб исторического предания о прошлом римского народа, критика составляет здесь невероятно трудную, сложную и подавляющую работу. Великий предшественник Моммзена, Нибур, с которого принято начинать новую эру исторической критики, успел издать при жизни свою обработку римской истории до эпохи Лициниевых законов, третий том, до пунических войн, издан уже по его смерти Классеном в 1832 г. Самый крупный из ученых, выступивших на поприще критического изучения предания непосредственно после Нибура, старший современник Моммзена, Шwegler, который выпустил первый том своей «Римской истории» в 1853 г., остановился на эпохе Лициниевых законов, да и то третий том, в котором он дошел до этой эпохи, был издан в 1858 г. уже по смерти автора. Моммзен одолел свою колоссальную задачу сразу и дал в свои молодые годы цельную критическую и в то же время художественную римскую историю. Он смог сделать это потому, что всю огром-

ную критическую работу, которая являлась предварительным условием его труда, он оставил в своей гениальной голове и дал в общем и целом изложении результаты этой работы. Взяв за исходный пункт своей попытки восстановить в его истине прошлое Рима принцип заключений к предшествующему от исторически достоверного (*Methode der Rückschlüsse*), выдвинутый его старшим современником *Rubino*, и разделяя идею Нибура, что учреждения Рима гораздо достовернее переданной нам в нашей традиции богатой и обильной внешней истории, Моммзен не повел своего читателя на путь непосредственного извлечения из источников того, что можно признать достоверным в свидетельствах предания посредством его всесторонней критики; но, обобщив свое критическое отношение к традиции, предложил связный обзор тех фактов, которые он признал подлинным и достоверным или по крайней мере вероятным зерном ее. Подобно древнему историку Рима, Ливию, Моммзен становится все более и более полным в своем изложении по мере приближения к эпохам, где уже критика предания позволяет историку чувствовать под ногами твердую почву современных записей о событиях, и наибольшей полноты и цельности его изложение достигает там, где наши источники не только восходят к современным записям, но дают подчас живую летопись изо дня в день, хотя и в субъективной окраске переживавших те времена людей. Таково время Цезаря, благодаря главным образом Цицерону.

Умом, сердцем и страстью пережил Моммзен великую историю Рима до времени падения республики и смерти первого императора. Свою страсть вложил он в самое изложение и трактовал борьбу политических партий в древнем Риме как живую историю настоящего. В нестройных, далеко неполных и часто неясных свидетельствах, дошедших до нас от времен Гракхов и Суллы, умел он угадать живую действительность и дал полную картину политической жизни, в которой действуют живые люди. С любовью одухотворял он великий образ Гая Гракха, угадывая в нем предшественника Юлия Цезаря; всею силой своей страсти негодовал на врагов прогресса римской государственной жизни, резкими чертами обрисовывал бессилие и беспомощность политической мысли друзей старого порядка и возвеличил Цезаря как единого гениального, абсолютно трезвого и ясного творца истории тогдашней действительности, на которой воздвиглись основы будущего величия мировой державы Рима. Всем известны страстные инвективы Моммзена по адресу Цицерона, мнившего себя великим политиком, неустойчивого и вечно колебавшегося в своем отношении к нарождавшемуся новому порядку. Несправедливость Моммзена к Цицерону успела стать общим местом. Упомянув об этом, я далек от всякой мысли делать упрек великому человеку, который стал сам достойным истории нашего времени, и делаю это лишь для того, чтобы привести наиболее наглядное свидетельство о тоне и характере исторического изложения Моммзена. Под пером Моммзена люди живут и борются со всей страстью, на какую они способны. Не сопоставление свидетельств источников, после их критической проверки, дает Моммзен в своей истории, не свои гипотезы, построены на этом основании, он излагает; он воссоздает картину исторической жизни. По условиям предания этого нельзя сделать для Цинцинната, Кориолана, Спурия Кассия и даже Лициния, но можно для Гракха и Цезаря с их врагами и антиподами...

В своей Римской истории Моммзен предстал в таком всеоружии исторической критики, выказал такую полноту знания обо всех сторонах жизни Рима и современного тем эпохам состояния других народов и государств, над которыми Рим совершал свое победное шествие на пути к миродержавию, такое мастерство изложения, такую силу слова, что со времени появления его Римской истории ему невозбранно принадлежало первое место среди широкого круга ученых историков на его родине, столь богатой научными силами Германии. Много лет спустя, когда Берлинская академия наук чествовала 50-летие докторской степени Моммзена, его коллеги так характеризовали его историю:

«В Вашей Римской истории, этом творении, столь удивительном по широте исторического взгляда и глубокопроникающему анализу, по сочетанию пронизательной критики и гениального дара комбинации, по силе поэтического воссоздания и блес-

ку изложения, – Вы подарили немецкому народу классическое произведение, которое с тех пор стало для всех наций богатым образовательным элементом и пребудет таким на все времена»⁵. Будем верить, что эти достойные ценители Моммзена не ошиблись в своем предсказании...

История Моммзена написана строго догматически, без ссылок на источники, без доказательств и мотивов такого именно в каждом данном случае отношения автора к свидетельствам традиции; автор не входит также никогда в полемику с воззрениями и выводами других ученых, работавших раньше его на той же почве: он дает лишь результаты своей творческой переработки всего достояния источников, сохранивших свидетельства о жизни Рима за семь столетий. Та колоссальная предварительная работа, которую он проделал раньше, чем так написать, хранилась в сокровищнице его гениальной головы. Уже после появления его Римской истории она увидела свет в целом ряде специальных этюдов и монографий. В разное время и в разных изданиях (*Annali del Istituto di corr. arch.*, *Rheinisches Museum*, *Archäologische Zeitung*, *Hermes*) помещал Моммзен свои этюды, и некоторые из них, а именно: относящиеся к разработке древнейших эпох, он соединил в двух томах своих *Römische Forschungen* (I. 1864, II. 1879). Многие однородные работы позднейшей даты остались рассеянными в разных ученых изданиях⁶. Что касается до монографий, то назову капитальные труды: *Römische Chronologie* (1859) и *Römisches Münzwesen* (1860).

Римская история Моммзена доведена была до конца республики. Все ждали от него продолжения, и ожидания эти были, казалось, тем основательнее, что непрерывная работа над изданием корпуса надписей держала Моммзена, по самому существу материала, на периоде империи. Когда в 1880 г. пожар опустошил квартиру и самый кабинет Моммзена, пошли слухи, что рукопись четвертого тома истории сгорела, и в печати высказывались надежды, что гениальный старец найдет в себе силы восстановить свое изложение. Прошло несколько лет, и Моммзен дал продолжение своей «Римской истории», но выпустил в свет не IV, а V том, и этим признанием промежутка как бы обязывался заполнить его. В V томе Моммзен представил обзор императорского периода Рима по землям, входившим в миродержавную империю. Тут нет ни лиц, ни характеристик, а лишь удивительно полный и точный обзор фактов жизни и судеб отдельных областей, составивших империю, с детальным выяснением внутренних изменений форм политического и общественного быта отдельных стран. В целом – это отчет о культурном воздействии Рима на покоренный мир и о превращении бассейна Средиземного моря, с захватом и далекой Британии, в единое по формам жизни и культуре государство. Здесь нет той *истории империи*, какой ждали и продолжали ждать почитатели Моммзена. Вопреки широко распространенному мнению, что такая история была в бумагах Моммзена и ее уничтожил пожар, позволяю себе думать, что это совсем не так. В зрелые годы Моммзена не прельщала мысль изобразить в живых образах деятелей, историю первых веков империи, дать нам портреты императоров и их сотрудников в великом деле культурного роста античного мира. В отношении к этому периоду он стал историком фактов; таким он был в V томе своей «Римской истории» и в необозримом множестве этюдов и специальных исследований, которые продолжали появляться до самого последнего года его жизни. Одни из них относились к разработке источников (*Quellenforschung*); каковы для примера: *Zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius* (*Hermes*. III. 1868)⁷, *Cornelius Tacitus und Cluvius Rufus* (*ibid.* IV. 1869); в других он точно устанавливал факты и давал их оценку, например: *Der letzte Kampf der römischen Republik* (*ibid.* XIII. 1878), или разъяснял историю учреждений – *Die Lagerstädte* (*ibid.* VII. 1872), *Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln* (*ibid.* XVIII. 1888) и др. В своих изысканиях Моммзен уходил в поздние времена империи. Таковы

⁵ Sitzungsberichte der Berliner Akademie. 1893. S. 920.

⁶ Таковы, например, его исследования: *Remuslegende* (*Hermes*. XVI. 1881); *Tatiuslegende* (*ibid.* XXI. 1886) и др.

⁷ Переведено на французский язык в серии изданий Ecole des hautes Etudes.

его исследования: *Bruchstücke des Iohannes von Antiochia und des Iohannes Malaelas* (*Hermes*. VI. 1872), *Ostgothische Studien* (*Neues Archiv*. XIV. 1886), *Die Diocletianische Reichsprefectur* (*Hermes*. XXXVI. 1901), *Aelius* (*ibid.*), *Stilicho und Alarich* (*ibid.* XXXVIII. 1903). Сюда же относится его этюд: *Religionsfrevehl nach römischen Recht* (*Historische Zeitschrift*. 1890), который вызвал большое оживление в ученой литературе по древнейшим судьбам христианства, не только немецкой, но также французской, английской и русской.

Помимо воссоздания истории Рима в цельной картине, помимо критической разработки предания и огромного обогащения и очищения фактического материала по истории Рима, Моммзен дал еще нечто, столь же великое, как его история. То была как бы вторая половина обработки того же материала, но с другой стороны и по другому принципу. В науке классической филологии издавна существует особая дисциплина, некогда как бы независимая от истории, пока эта последняя понималась на манер Ливия, а именно: «древности». Еще в конце XVI в. определялся круг вопросов, которые подлежали трактовке в «древностях». Таков *Corpus antiquitatum Romanarum absolutissimum* Розина, вышедший в свет в 1595 г. В половине истекшего XIX столетия наиболее обширным ученым и полным трудом по римским древностям был *Handbuch der römischen Alterthümer*, автором которого были Беккер и Марквардт. Когда потребности книжного рынка позволили завести речь о втором издании этого сочинения, то часть, принадлежавшую Беккеру, уже умершему, предложено было переработать для нового издания Моммзену, а Марквардт принялся за пересмотр составленной им части *Handbuch'a*. То, что дал Моммзен, оказалось совсем не похожим на труд Беккера. Моммзен отбросил первый том, заключавший в себе топографию Рима, и переработал отдел, обнимавший магистратуру, сенат и народное собрание. Для магистратуры у Моммзена потребовалось два тома в трех частях. Они вышли в 1871 г. и затем два раза переиздавались с дополнениями, значительно увеличивавшими объем книг. Третий том вышел в двух больших частях: *Bürgerschaft* в 1887 и *Senat* – в 1888 г. Этот огромный труд получил в целом заголовок: *Das römische Staatsrecht*. Уже в этом термине определенно сказалась новая свежая точка зрения на материал старой дисциплины «древностей», заключавшая в себе протест против антикварного и коллекционерского принципа, который господствовал в прежнее время.

Изложение Моммзена также догматично, как и в его истории; но здесь он приводит оправдательные документы в виде ссылок на источники по всем вопросам и по всем их деталям. В этих удивительных по богатству примечаниях использовано все литературное наследие античного мира и, по мере надобности, весь эпиграфический материал. Автор считается только с источниками и только их приводит. Ученых трудов своих предшественников и современников он не цитирует и не называет имен ученых, как соглашавшихся с ним и поддерживавших его воззрения, так и возражавших ему и развивавших мотивы своего разногласия. Он шествует царственным путем своего универсального знания, своего понимания, своего проникновения в смысл и дух политической жизни античного мира.

Наиболее оригинального и нового дали тома, соответствующие заголовку *Magistratur* в прежней редакции *Handbuch'a*. Прежде всего Моммзен выделил общие идеи, принципы и формы, действовавшие в римских государственных учреждениях за тысячелетие их существования в исторической действительности, и рассмотрел их теоретически⁸. Во втором томе, состоящем из двух частей, Моммзен последовательно

⁸ Намек на содержание этого тома могут дать заголовки отделов: 1) Amt und Amtsgewalt, где наибольшее место отведено принципу коллегиальности; 2) Die magistratische Competenz – тут последовательно рассмотрены принципы: auspicium, imperium, coercitio, iurisdictio и т.д.; 3) Magistratische Verbotungsrecht und magistratische Intercession; 4) Magistratische Emolumente; 5) Die Rathmänner (consilium) der Beamten; 6) Die Dienerschaft der Beamten; 7) Insignien und Ehrenrechte der fungierenden Magistrate; 8) Lebenslängliche magistratische Ehrenrechte; 9) Qualification für die Magistratur; 10) Designation, Antritt und Rücktritt, Amtsfristen; 11) Stellvertretung der Beamten и 12) Verantwortlichkeit der Magistrate.

прошел представителей государственной власти в Риме, начиная с царя, через всех республиканских магистратов до принцепса, как назвал свою новую власть Август и как она затем называлась в течение столетий. Подведя императорскую власть под понятие магистратуры, Моммзен видел в самодержавной монархии, какой он признавал верховную власть императоров с Диоклетиана, уже полное вырождение старого порядка и древних римских идей, нечто существенно новое в жизни античного мира.

Сила логики и ясность мысли Моммзена, которые являются во всем блеске в этом его творении, поработают читателя. Тем не менее, многие оспаривали принципиальную правильность такого способа рассмотрения предмета. Моммзен дал то, чего не имели и не сознавали сами римляне. Ни одно государство не развивается по логической последовательности основных принципов, имманентных народному сознанию, а римское государство свершило свою жизнь без конституционных хартий. После того кодекса права, который был дан в законах 12 таблиц, римское государство не сводило своих законов в систему и не приводило их в согласование. Политическая жизнь проходила в напряженной борьбе противоречивых и взаимно себя исключавших и отрицавших толкований основных законов, а самые законы имели характер ответа на данный частный вопрос. – Голоса возражавших Моммзену были не слышны за единодушным хором благоговевшей пред Моммзеном плеяды ученых. Позволю себе прибавить, что как бы ни смотреть на основную идею, вызвавшую к жизни этот труд Моммзена, в смысле приложимости ее к римскому государству, его *Römisches Staatsrecht* сохранит навсегда свое значение, как дополнение к его «Римской истории». Великолепно разработанная логическая схема изложения предмета и то обстоятельство, что Моммзен по каждому частному вопросу и по каждой детали своей системы дает весь материал источников, какими только владела его гениальная память, делает это его творение незаменимой настольной и справочной книгой для всякого историка, филолога и юриста.

Своим *Römisches Staatsrecht* Моммзен обновил науку римского права вообще, и все новейшие труды романистов в области истории римского права стоят на плечах Моммзена. Достаточно будет назвать имена из немцев – Карловы, из французов – Жирара. То обстоятельство, что Карлова во многих существенных пунктах не соглашается с Моммзеном, несколько не противоречит правильности высказанного выше утверждения: без Моммзена не было бы и Карловы.

Будучи юристом по факультетскому образованию и докторскому диплому, а также первым годам академической деятельности, Моммзен в течение всей своей жизни являлся деятельным сотрудником ученых юридических журналов, помещая в них свои исследования о новых эпиграфических памятниках, относившихся по своему содержанию к вопросам права. Он дал юристам классическое издание *Digesta*. Юристов он имел в виду, когда на старости лет решился составить краткий общий очерк римского государственного права под заглавием: *Abriss des römischen Staatsrechts* (1893, в серии изданий Биндинга: *Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft*). Уже на склоне своих дней Моммзен, в сознании того, что он совмещает в себе юриста и филолога, принялся за обработку дисциплины, за которой он признавал промежуточное положение между юриспруденцией и историей, а именно: уголовное право. В 1899 г. вышел в свет том, свыше тысячи страниц, под заглавием: *Römisches Strafrecht*. Оговаривая в предисловии огромные размеры этого сочинения, что он сам считал неудобством, он в то же время отмечал и его неполноту в смысле отсутствия подробных разъяснений по спорным пунктам и вопросам, где он расходился с разными учеными. Но в восполнение этого недочета пришлось бы, как он замечал, по меньшей мере удвоить размеры этой книги, на что он не решался, предвидя близко пред собою конец своих дней: «*Alles hat seine Zeit, auch der Mensch*». И этот труд, написанный уже тогда, когда автору шел к концу восьмой десяток лет, блистает все той же ясностью мысли, полнотой владения материалом, яркостью и силой изложения. До конца дней своих не выпускал Моммзен из своих рук пера, как не оставлял он и руководства в деле издания корпуса надписей.

Так жил и работал для науки Моммзен, так воздвигал он себе веки несокрушимый памятник в своих непреходящего значения творениях. Но он не был только кабинетным ученым, как его друзья: Боргезе, Де Росси, Генцен. С тридцатилетнего возраста был он профессором и только два последние десятилетия он был свободен от обязанностей преподавания, когда старость брала свое; но и тогда остался он членом факультета и находил время принимать участие в заседаниях корпорации, членом которой оставался до самой своей смерти.

С 1847 по 1856 г. Моммзен преподавал римское право, а с этого срока, вместе с переходом в Берлин, стал уже официально филологом. Учиться к Моммзену стекались германские студенты со всех областей Германии. Среди его слушателей были всегда также и иностранцы; австрийцы, швейцарцы, итальянцы, французы, голландцы, англичане, американцы. Профессорские стипендиаты, посылаемые за границу нашим министерством народного просвещения, обыкновенно не миновали Берлина, и многие из них являлись туда ради Моммзена. В начале шестидесятых годов истекшего столетия учеником Моммзена был знаменитый впоследствии наш византист Васильевский, оставивший о том память в отчете о своих занятиях⁹. С чувством глубокого уважения и благодарности отзывается он о преподавании Моммзена, стоявшего тогда в цвете лет.

Мне лично пришлось учиться у Моммзена, когда он был уже старцем и помышлял оставить преподавание. На зимний семестр 1878–1879 гг. Моммзен объявил четырехчасовой курс по римской эпиграфике и двухчасовые практические занятия. В летнем семестре 1879 г. он уже не читал курса, но сохранил за собой практические занятия. Мне кажется, что я выражу чувство всей тогдашней аудитории Моммзена, если скажу, что он вызывал к себе благоговение. Помимо его славы так действовал и самый вид этого человека. На маленьком тщедушном теле красовалась чудесная голова с острыми чертами лица, изрытой морщинами кожей, правильным носом, большим ртом, с великолепным ореолом поредевших уже, длинных, белых, кудрявившихся на концах волос над прекрасным огромным челом, под которым блистали острые, пронизывавшие, пылавшие огнем глаза. Никто не забудет этих глаз, кто их видел. Вежливая, без малейшей предупредительности, деловая манера обращения внушали некоторую робость при первом свидании. Свои профессорские обязанности он исполнял с удивительной аккуратностью. Лекции он читал от 8 до 9 часов утра, и хотя жил в Шарлоттенбурге и тратил на переезд около часа времени на трамвае – (тогда еще не было берлинской Ringbahn), – но не было случая, чтобы он пропустил лекцию или опоздал. С ударом четверти девятого на университетских часах входил он в аудиторию и, став у кафедры и разложив пред собою листки своих заметок, начинал говорить своим тихим голосом, подергивая и поворачивая время от времени голову своим особым жестом. Ровная серьезная речь текла спокойно с северогерманским акцентом, никогда не оживляясь, но и не становясь вялою.

Курс, который привелось прослушать мне, начался с длинного введения о судьбе римской эпиграфики, заключившейся изданием корпуса латинских надписей. Тут Моммзену по необходимости пришлось упомянуть о своем участии в этом деле. Обойти этого он не мог, но сказал об этом в самых скромных выражениях, словно желая стусевать значение своей личности в этом грандиозном ученом предприятии. Предпослав затем некоторые общие сведения, Моммзен перешел к толкованию отдельных текстов, которые раздавал своим слушателям на листках, по несколько надписей на каждом. Таких листков получили мы шесть. Семестр кончался в субботу 15-го марта, последняя лекция Моммзена приходилась в пятницу 14-го. На предпоследней лекции 13-го числа Моммзен закончил объяснение надписей шестого листка и тут же роздал нам седьмой, из которого на следующий день объяснил первый текст. Так ревностно и аккуратно относился он к своим обязанностям.

⁹ ЖМНП. 1863. Ч. 117. Отд. II. С. 291 сл.

На свои практические занятия Моммзен допускал ограниченное число участников и предварительно подвергал испытанию, не самолично, а через старшего – остаток *fa-tulus'a*, имевшего некогда в академической жизни Германии характер учреждения. В мое время на «упражнения» являлись к Моммзену уже более зрелые студенты, большей частью заканчивавшие уже свои университетские занятия, приезжавшие в Берлин на один-два семестра, чтобы пропустить через критику Моммзена свою будущую докторскую диссертацию. Иные приезжали со своими темами, другие брали их из числа предлагавшихся Моммзену. Два часа практических занятий проходили обыкновенно в том, что Моммзен разбирал представленную ему работу, требовал объяснений у автора, и почти никогда не случалось, чтобы выходил общий разговор. Обыкновенно все участники семинария, кроме автора реферата, лишь почтительно слушали и делали себе заметки со слов Моммзена. Сам Моммзен придавал большое значение общению с молодежью на своих практических занятиях, относился к ним с обычной аккуратностью и видел в них пользу и лично для себя. Когда в конце летнего семестра 1879 г. участники семинария устроили в его честь «коммерс» в одной из берлинских *Weinkneipe*, он охотно принял приглашение и провел несколько часов в непринужденной беседе за стаканом вина. Через день он ответил таким же коммерсом у себя на дому. Много речей и спичей было в обоих этих собраниях, говорил и Моммзен между прочим и о том, как возбуждает его это общение с стремящейся к научному знанию молодежью и как не редко разбор рефератов наталкивал его самого на вопросы и вызывал ту или иную его работу. В заключительном своем слове, прежде чем нам разойтись, Моммзен как бы формулировал свой завет, закончив свою речь возгласом: *Lebe hoch unsere deutsche Philologie... nicht Geschichte, nein... Philologie soll leben!*... Когда у нас в России называют Моммзена постоянно историком и так его понимают, я невольно вспоминаю про себя этот убежденный возглас старца – Моммзена. История как частное входит в обширное понятие филологии, дух которой – исследование и уразумение памятника. Углубление анализа, изощрение метода исследования, живое и развивающееся знание памятников прошлого – вот что такое филология. Призывая своих учеников быть в процессе этого исследования, как пребывал он сам в нем непрерывно и неустанно, он давал тем и характеристику своей деятельности в целом и высказывал свой завет грядущему...

Таков был Моммзен как ученый и профессор. Но его гениальной деловитости хватало и на политику. В юные свои годы заплатил он дань тогдашнему смутному времени, бросился в политику, был в 1848 г. редактором одной радикальной газеты и поплатился вскоре кафедрой, которую только что занял в Лейпциге. Пламенный немецкий патриот, он верил в счастливую звезду Пруссии и с увлечением пережил процесс воссоздания Германской империи под эгидой прусского короля. В 1870 г., когда началась франко-прусская война, он писал страстные статьи, настаивал на исключительном праве германцев на Рейне, который со времен Цезаря несколько раз превращался в немецкую реку и опять утрачивал этот характер вследствие романизации населения. Резкий тон этих статей оскорбил французов, тем более что Моммзен до того времени пользовался самым искренним расположением императора Наполеона и всеобщим вниманием со стороны представителей французской науки. Этот разрыв превратился и в ученый раздор, когда профессор Дежарден, желая сделать неприятность Моммзену в самом чувствительном месте, опубликовал большой том *in folio* под заглавием: *Desiderata Corporis Inscriptionum Latinarum*.

Позднее, с 1873 по 1882 г., Моммзен был членом прусского ландтага, где он примкнул к партии национал-либералов. За одну свою речь 1883 г., где он резко нападал на политику Бисмарка, он был привлечен к суду, но был оправдан. Острые вопросы текущей политической жизни вызывали его отклики до самого последнего времени. В конце 80-х годов, в пору обострения антисемитизма, он высказался в том смысле, что единственный выход для евреев – принимать христианство. Это обидело многих его ученых коллег, так как Моммзен в сфере науки оказывал полное беспристрастие и среди его ближайших сотрудников были евреи. Резким и обидным для славян словом отозвался

несколько лет тому назад Моммзен на обостренные отношения между немцами и чехами в Венском парламенте. И в последний год своей жизни, несколько месяцев тому назад, выступил он с примирительным словом между Германией и Англией.

Так хватало сил и чувств этого великого человека и на внимание к текущей действительности, сознательным и полноправным членом которой он себя чувствовал. Но не политика дала славу Моммзену, и когда мы теперь, по его смерти, вызываем пред нашим умственным взором его образ, он восстает пред нами в грандиозном величии автора огромного ученого наследия, которое он оставил миру, как плод своей неустанной работы, своего таланта... Закончу словами Тацита: *Si quis piorum manibus locus, si, ut sapientibus placet, una cum corpore extinguuntur magnae animae, placide quiescas, nosque... ab intimo desiderio... ad contemplationem virtutum tuarum voces, quos neque lugeri neque plangi fas est. Admiratione te potius quam temporalibus laudibus... decoremus. Is verus honos...*

Юлиан Кулаковский

© 2004 г.

О МОММЗЕНЕ*

Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев, 1904

Русский ученик возлагает венок на гроб Моммзена... Красивый очерк исполнен сердечной теплоты и благоговенья к великой тени, естественных в том, кто сам, как говорят немцы, «сидел у ног» гениального учителя. Автор дает несколько биографических черт и личных воспоминаний; но главную цель ставит себе – растолковать задачи и значение гигантской ученой деятельности чудотворного историка – юриста – филолога. Ибо Моммзен (как признавал он сам в одном из своих циркулярных благодарственных заявлений, обращенных к его почитателям) был деятелем того освободительного движения в современной науке, которое ищет разрушить искусственные перегородки факультетов.

С особенною обстоятельностью г. Кулаковский говорит о Моммзене как о творце монументального собрания латинских надписей, как об основателе современной эпиграфической дисциплины и эпиграфического метода. Наиболее знакомый большинству, Моммзен-историк также с любовью охарактеризован составителем очерка. Бледнее изображение Моммзена-юриста, и кажется, что автор колеблется в установлении точки зрения на «*Römisches Staatsrecht*» – книгу, которая должна быть, однако, признана величайшим творением этого ума, равно дивного по силе анализа и синтеза. Подобно тому как Кант редко бывает постигаем в своей двойственной целостности, как критик «чистого» и «практического разума» вместе, – так многим (сошлемся, например, на полемики проф. Гримма в Петербурге) как бы противоречием в Моммзене представляется, при его глубочайшем проникновении в исторически конкретное, эта попытка отвлечения правовой идеи, в ее логическом развитии, из нестройной и внутренне нецельной исторической действительности. Но что может оказаться опасным при исследовании других исторических организмов, – было необходимо в отношении к римскому: римляне не могли принять действительность в иной схеме, чем та, которую вскрывает юрист-Моммзен; он научил мыслить о Риме по-римски, – и римские формы стали впервые мыслимы. Он был настолько юрист, что не мог обходиться без дедукций; эмпирическому изучению древности он дал тем как бы математическую ос-

* Весы. Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник. Первый год издания. 1904. № 11. С. 46–48.